

Облака рассеялись, ночь, наконец, прошла, и в небе блеснул первый луч солнца, озаривший мир людей.

Горы Айне были безмолвны. Ученики, хоть и не были лентяями, все же не поднимались так рано. На крыше Зала Тишины, на черепице все еще лежала роса. Бамбук вдали был все таким же зеленым, его листья легко шелестели от ветра.

Ворота Зала Тишины были открыты, как и в обычные дни. А внутри спокойно горели благовония.

Издалека подул холодный рассветный ветер, пролетел по Залу Тишины и снова отправился вдаль. В нем слышались крики птиц – единственный звук на рассвете.

Это была очень умиротворенная картина, неизвестно сколько таких же рассветов встретил Пик Большого Бамбука, магических и сказочных. Но в этот раз было одно отличие, которое совсем не вписывалось в эту гармонию.

Один насквозь промокший силуэт, лежал на коленях перед воротами Зала Тишины, голова его была вжата в плечи. Земля вокруг него намочла от капель воды, стекающих с одежды.

А чуть дальше от этого человека, на зеленых ступенях Зала Тишины, тихо покоилось тело Тянь Болиса. И хотя он был уже мертв, выглядел очень спокойно, на его лице не было боли, словно смерть не была для него таким уж важным делом.

Руки Тянь Болиса были сложены на груди, одежда приведена в порядок. Только на ней виднелись влажные следы, но воды было намного меньше, чем на теле того, кто преклонился перед воротами Зала Тишины.

Конечно, его одежда не была идеально чистой, но ему наверняка было уже все равно.

Рассветный ветер не утихал. Почувствовав прохладу, Зевул слегка вздрогнул. Очевидно, он очень ослаб, но он не шевелился и лежал на земле, головой в сторону Зала Тишины, не решаясь поднять глаза.

Здесь все было ему знакомо, от зданий вокруг до ступенек и статуй, даже грязь на ступеньках, они словно издавали легкое дыхание, которое возвращало его в те моменты, которые он не мог забыть. Неизвестно, сколько раз он мечтал вернуться в те годы, вернуться на родную землю, но теперь, когда он был здесь, его сердце разрывалось от боли.

За спиной Зевула, через несколько чжанов, взгляд мог уловить место, где рос Дан Сайон – кухню. Десять лет прошло, но кажется, доски, из которых была сделана дверь, совсем не изменились, только стало больше трещин, они тоже постарели.

Дверь кухни висела спокойно, до тех пор пока ее не коснулась мохнатая лапка. Аш осторожно открыл ее и запрыгнул внутрь. Кажется, внутри все осталось прежним, стол, стулья, печь и все продукты с кухонными принадлежностями лежали на тех же местах.

Аш огляделся и запрыгнул на стол, затем посмотрел направо.

Конечно, справа от стола, у стены, была насыпана гора соломы, на которой спал кое-кто

знакомый. Его нос мерно шевелился с сопящим звуком, это был пес, с которым Аш любил играть – большой Йелла.

Аш покрался по столу, его хвост завернулся кренделем, но он не стал сразу прыгать и обнимать старого друга. Он почесал затылок, посмотрел в сторону двери, затем снова на знакомого Йеллу, словно не мог принять решение.

В этот миг Йелла, который спокойно спал на своей лежанке, по-прежнему закрыв глаза, вдруг поднял уши, словно что-то услышал. Затем его голова шевельнулась и он открыл глаза.

Перед его глазами на столе показался знакомый силуэт, Йелла сначала удивился, затем тут же встрепенулся, от сна не осталось и следа. Он радостно вскочил, залаял на Аша и в три прыжка оказался у стола. Передние лапы Йеллы оказались на столе, и он радостно завилял хвостом.

Аш улыбнулся во весь рот, словно зараженный чувствами Йеллы, и прижал голову пса к груди, погладив его по гладкой блестящей шерсти. Йелла уткнулся в Аша и лизнул его мордочку.

Аш рассмеялся и кувырком спрыгнул со стола. Йелла повернулся к нему и они снова радостно обнялись. Но потом Аш словно вспомнил о чем-то и нахмурился. Он протянул лапку и потрепал Йеллу по голове, затем указал ему наружу из кухни.

Йелла посмотрел на Аша, не понимая, что он хочет сказать. Аш что-то прокричал на своем языке и запрыгнул на спину пса. Йелла оттолкнулся и выбежал из кухни, огляделся по сторонам и очень быстро заметил силуэт, лежащий на коленях у ворот Зала Тишины. И этот силуэт был ему знаком.

Йелла невольно обрадовался и с лаем бросился к этому силуэту, бешено виляя хвостом. Очень скоро он оказался рядом с Зевулом, но тут Йелла остановился и замер на месте.

Его взгляд пробежал мимо Зевула к ступеням Зала Тишины и остановился на теле Тянь Болиса.

Аш беззвучно соскользнул со спины Йеллы на землю и подбежал к Зевулу, почесал затылок, огляделся, затем сел на землю, крепко прижавшись к Зевулу.

Йелла медленно подошел, взобрался по ступеням и приблизился к Тянь Болису. Он долго смотрел на лицо хозяина, потом осторожно понюхал его. Его хвост в это время не переставал вилять. В конце концов, Йелла развернулся, он выглядел немного сбитым с толку. Он наклонился и ткнулся головой в лицо Тянь Болиса, тихо заскулив.

Тянь Болис ничем ему не ответил.

Йелла стоял на месте очень долго, но не лаял и не выл, как можно было ожидать. Он в последний раз ткнулся в лицо Тянь Болиса, словно смирился, и молча лег подле него. Его глаза все еще смотрели на хозяина в надежде, что тот проснется. Он положил голову на лапы и опустил уши, глядя на хозяина, холодного и спокойного.

Рассветный ветер подул, принося ночную прохладу. Зевул снова вздрогнул на ступенях, но очень быстро снова успокоился и замер.

На рассвете время текло слишком медленно.

«А!»

Тихо вскрикнув, Сурин проснулась ото сна, вся в холодном поту.

Ее волосы растрепались, лицо было сонным, она медленно поднялась из-за стола. Вчера ночью она так и уснула здесь.

Закрытое окно все-таки слегка открылось, через него снаружи пробивался рассвет, освещая комнату. Сурин немного посмотрела на лучи солнца, успокоилась и горько усмехнулась. Затем взяла со стола маленькое зеркало.

В зеркале отразилось ее прекрасное лицо, немного уставшее от позднего сна. Но из-за растрепавшихся волос она выглядела еще прекраснее. Ее тело не знало старости, а сердце?

Она долго смотрела на себя, затем вздохнула и положила зеркало на стол. Затем поднялась, протянула руку, и окно со скрипом раскрылось.

Солнечный свет залил комнату, проникнув во все темные углы, пробудив ее ото сна. Сурин легко улыбнулась и посмотрела наружу, сладко потянувшись.

Ей в лицо подул рассветный ветер, принесший прохладу.

Она открыла дверь и вышла.

Было еще рано, наверняка ученики еще спали. Ну ладно, пусть поспят еще, сегодня им предстоит спуститься с гор на поиски Бу И, это отнимет много сил.

Так думала Сурин, направляясь к воротам Зала Тишины.

Она медленно шла через извилистую галерею, снаружи шумел бамбук. Почему-то в это утро Сурин замечала многие вещи, на которые обычно не обращала внимания.

Краска на стенах галереи давно выцвела, столбы слегка покосились, кое-где отпали деревянные украшения. Она вспомнила, когда Зал Тишины был покрашен, это было во время их свадьбы с Тянь Болисом. Вот так незаметно эта галерея прожила столько лет вместе с ними, она столько раз здесь проходила, но даже не замечала этого. Когда Тянь Болис вернется, обязательно нужно сказать ему, что нужно покрасить галерею заново...

Еще она заметила на одном из покосившихся столбов два вырезанных маленьких меча. Это было их обещание, что они никогда не расстанутся, также как эти мечи, и будут вместе до конца. Она вспомнила, как Тянь Болис смеялся, что вырезал их слишком некрасивыми, а она притворно сердилась, так что он потом просил прощения весь день.

Те годы пронеслись перед глазами за один миг, на губах Сурин мелькнула улыбка, настроение стало лучше. Она глубоко вздохнула сладкий рассветный воздух и продолжила идти. Затем она вспомнила, что Бу И растил Йеллу с самых малых лет. Он уже так долго не возвращался, интересно, как ученики ухаживали за псом? Если Йелла похудеет от голода, Бу И, когда вернется, будет очень разгневан.

Сурин с улыбкой покачала головой и решила пройти на кухню, проведать Йеллу. Она так и шла, думая об этом, пока не оказалась прямо перед Залом Тишины.

«Бам!»

Прозвенел первый рассветный колокол, его звук донесся издалека. Это был знак пробуждения Айне, начало нового дня. Звук эхом пронесся над горами Айне.

Сердце Сурин, вместе с этим звоном, забилось быстрее.

Перед залом предков кто-то лежал на коленях, а Йелла, почему-то уже проснувшийся, спокойно лежал на ступеньках Зала Тишины.

Уши Йеллы поднялись, как будто он что-то услышал, и он повернул голову в сторону Зала Тишины. Женщина, которая стояла там, безмолвно взирала на происходящее.

Сердце Сурин почему-то забилось еще быстрее, словно хотело взорваться, так что она даже задержала дыхание. На ступенях Зала Тишины лежал силуэт, вырезанный в ее сердце навечно.

Но только сейчас она повторяла про себя только одно – она ошиблась, только бы она ошиблась...

Ее лицо стало бледным как бумага, ноги стали словно деревянные, она медленно подошла ближе, и ее губы начали дрожать. Йелла, лежавший рядом с телом Тянь Болиса, посмотрел на Сурин и повилял хвостом, но затем вновь уткнулся мордой в лапы и молча уставился на хозяина перед собой.

Она подошла ближе, ближе к месту, когда уже нельзя было сбежать от правды. Знакомое лицо Тянь Болиса появилось перед глазами Сурин, он словно спал, спокойно спал.

Сурин почувствовала, как небо и земля закружились, ее ноги подкосились, и она едва не упала. К счастью, она смогла удержаться, но перед глазами тут же потемнело. Она подошла к Тянь Болису и села на колени рядом.

Дрожащими руками она коснулась тела Тянь Болиса, его одежды, когда ее рука оказалась на его груди, она замерла и задрожала сильнее. Из ее глаз полились два ручья слез, каплями они падали на лицо Тянь Болиса.

Рядом послышался тихий лай Йеллы, он поднял голову и осторожно уткнулся ей в ноги.

Сурин подняла голову и посмотрела на силуэт, склонившийся внизу. Увидев рядом серую обезьянку, она задумалась, затем тихо, немного хрипло сказала: «Ты... Дан Сайон?»

Зевул вздрогнул, но не поднял голову, а наоборот, еще сильнее вжал ее в землю. Песок ранил его кожу, но он словно не замечал. Только через какое-то время раздался его дрожащий голос:

«Да... ученик..., Госпожа...»

Сурин вымученно улыбнулась и сказала: «Не надо так, вставай, расскажи мне все».

Зевул лежал на земле, не поднимая головы, как будто растерял все свое мужество, и не решался посмотреть в глаза Сурин. Он тихо сказал: «Ученик достоин смерти, я не... не смог защитить Мастера...» Его голос прервался, словно каждое слово было для него худшим наказанием.

Сурин медленно приподняла Тянь Болиса и уложила к себе на колени. Она слегка дрожала, может быть от холода, исходящего от его тела, или может быть она хотела растопить это холод теплом собственного тела.

«Поднимайся». Ее голос был пустым и холодным, Зевул даже не помнил, чтобы Сурин говорила так бессильно, так безнадежно. От этого ему стало еще больнее, и он невольно придавил лицо к земле еще сильнее, словно эта боль могла остудить его сердце, готовое разорваться.

«Если ты не поднимешься, как же ты расскажешь мне о том, что случилось?» Взгляд Сурин по-прежнему был направлен к телу, лежащему у нее на коленях, словно она не могла сейчас посмотреть на что-то другое.

Йелла подполз вперед и уткнулся мордой в тело Тянь Болиса, тихонько заскулив.

Зевул на миг застыл и медленно выпрямился, поднял голову и посмотрел на Сурин. Эта прекрасная женщина осталась такой же, как в его воспоминаниях, совсем не изменившись. Рассветный ветер тронул ее волосы, ее бледные руки гладили Тянь Болиса по лицу.

«Ты вернулся, ты все-таки вернулся...»

Это были последние слова, которые услышал Зевул от Сурин.

Потом в его груди поднялась и закипела горячая кровь, перед глазами почернело, словно лопнула натянутая струна.

С глухим стуком, словно деревянное бревно упало на землю, он потерял сознание.

За секунду до того, как он отключился, перед глазами было темно, ему казалось, что его тело горит огнем, но внутри по-прежнему был ледяной холод. Вдалеке слышались крики, полные ужаса и боли, сливающиеся в плач.

Он слышал шум шагов, все они направлялись сюда.

«Госпожа! Госпожа...»

Это была последняя мысль, мелькнувшая у него в голове, затем он полностью потерял сознание.

<http://tl.rulate.ru/book/13084/421121>